

БРЕНДАН КИЛИ

БРЕНДАН КИЛИ
ЕВАНГЕЛИЕ
ЗИМЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К39

Серия «Виноваты звезды»

Brendan Kiely
THE GOSPEL OF WINTER

Перевод с английского *О. Мышаковой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Rob Weisbach Creative Management и Andrew Nurnberg.

Кили, Брендан.

К39 Евангелие зимы : [роман] / Брендан Кили ;
[пер. с англ. О. Мышаковой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2016. — 288 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-095243-4

После развода родителей шестнадцатилетний Эйден ищет утешения в шумных вечеринках с друзьями, а понимание — у священника отца Грега, единственного, кто готов его выслушать.

Но очень скоро Эйден осознает, что доверять не стоит никому, даже отцу Грегу... А найти новый смысл жизни и избавиться от прошлого ему помогут друзья, ведь они, как никто другой, знают, что значит хранить секреты.

«Евангелие зимы» — это роман о любви и о том, как ее можно использовать против невинных или же с ее помощью обрести утраченную веру и надежду. Автор срывает фальшивые маски с персонажей и доказывает, что именно в истине есть сила. И настоящая любовь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-095243-4

© Brendan Kiely, 2014
© Перевод. О. Мышакова, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Посвящается Джесси,
сказавшей однажды: «А что, если...»*

Вопрос не в том, во что мне верить, а в том, что мне делать.

Сёрен Кьеркегор

Глава 1

Чтобы рассказать вам, что произошло на самом деле, чего вы не знаете и о чем не писали в газетах, мне придется начать с традиционной рождественской вечеринки моей матери. За два дня до этого, будто вселенная стала сопродюсером ее шоу, выпал снег, выбелив наш богом забытый уголок Коннектикута. Мать пришла в восторг. Электросвечи в окнах, венки на дверях, живописно занесенный снегом дом — подруги придут в восторг. Настроение поднимется до небес — хотя бы с виду. В этом вся мать («выживают самые жизнерадостные»), и подруги рады были высосать до дна ее праздничную панацею. Мы готовились принять больше полутора-ста гостей, решив не обращать внимания на то, что на разосланных в конце октября приглашениях рядом с именем матери вытиснено имя отца, а между тем Донован-старший провел большую часть года в Европе и намеревался осесть там навсегда.

Мне не позволялось заходить в кабинет Донована-старшего, но, раз он уже не жил дома, я сделал его кабинет своим, окопавшись среди его книг и безделушек со всего света в надежде почерпнуть толику мудрости и заполнить зияющую пустоту

внутри. Если бы не вечеринка, я бы просидел в кабинете всю ночь, читая «Франкенштейна» к уроку мистера Вайнштейна, но вечеринка имела место быть, мать удалилась наверх прихорашиваться, и я сказал — да пошло оно все. Если я намерен выдержать до конца, нужно чем-то подкрепиться.

Я запер дверь кабинета и уселся в кресло перед письменным столом Донована-старшего. Кабинет освещался лишь ожерельями белых лампочек, развешанных на кустах за окном. Я посидел в полумраке, слушая, как персонал обслуживающий банкеты, снует по всему дому, затем включил маленькую лампу — только чтобы видеть, что делаю. Страницы перекидного календаря не переворачивали уже много недель, я подтянул его к себе по настольному планшету и положил разворотом вниз. Металлическая основа поблескивала в свете лампы. Я вытряхнул на ладонь пару таблеток аддерола и уложил на календарь. С помощью тяжелых ручек Донована-старшего раздавил таблетки, разделил образовавшуюся кучку на несколько поменьше, развинтил одну ручку и втянул дорожку через пустой корпус.

В голове словно взорвалась пулеметная очередь мыслей и воспоминаний. Я представил себе появление Донована-старшего из мрака — бледная лысая голова и острый взгляд, пристальный, испытующий. Подавшись ко мне, он ворчливо повторил одно из своих изречений: «Мальчик, ты можешь стать тем, кто создает реальность для других, или же тем, кто живет в реальности, созданной для него». Донован-старший был из тех людей, о которых пишут в газетах: они собираются в Давосе, Пекине или

Мумбае, и их рукопожатия влияют на мировую экономику. Думай глобально, действуй локально, ответил бы я, но Донован-старший никогда не бывал дома, чтобы поработать над локальной частью. Да и когда я ему что-нибудь говорил, а он спрашивал?

Я прикончил еще одну дорожку, и воспоминание материализовалось в кабинете: призрак старины Донована уселся в кресло с номером «Бэррона». Затолкав носки в ботинки, стоявшие возле него на полу, он пристроил босые ноги на оттоманку. Ступни его казались полупрозрачными, как белый изюм, скукожившийся и высохший у камина. Донован-старший потел и скреб коротко стриженные волосы над ушами. Рядом на столе лежала кипа газет, сложенных под пепельницей с раздавленными окурками — надгробными памятниками, торчавшими из мини-кургана. На широком подлокотнике кресла стоял бокал, в котором оставалось еще много, но Донован-старший, расплющив крупный нос о край бокала, высосал все до дна. Как обычно, густая жидкость застряла у него в горле, и он попытался откашляться. «Мальчик, тебе повезет, если в истории тебя упомянут хоть петитом, — большинство людей ведут жизнь незначительную и бессмысленную. Я стараюсь тебе помочь».

Я сосредоточился, и вскоре остался лишь голос, звучавший у меня в ушах. Голос походил на мой. По крайней мере, казался знакомым.

— Я здесь, — сказал я в пустоту кабинета.

Но в комнате был только я и тишина вокруг меня, и в этой пустоте я испугался. Я страшно боялся других людей и собственного проклятого «я». Страх был всепоглощающим, он брал в кольцо и приво-

дил в оцепенение, как нечто сопящее, подобравшееся вплотную. Не знаю, как бы я думал о чем-то еще, кроме своих страхов, без химической подпитки. Я вдохнул последнюю дорожку аддерола, вытер стол и тихо вышел из кабинета, наконец-то готовый к сегодняшнему вечеру.

Перила парадной лестницы, ведущей из фойе на галерею, были увиты гирляндами зелени. Повсюду лихорадочно шли последние приготовления: под большой елкой в гостиной два официанта в смокингах взбивали тюль, изображавший снег, в библиотеке бармен расставлял ряды бокалов на переносном баре, установленном в дверях на кухню. Фирмы по обслуживанию банкетов никогда не присылали на вечеринки матери одних и тех же официантов, но все знали, как себя вести. В продолжение всего праздника этот безмолвный ансамбль будет появляться по малейшему знаку и исчезать по команде, сливаясь с обстановкой. Как только приехали гости, я, добросовестно играя свою роль, вышел на сцену, но на меня никто не обратил внимания.

В кухне Елена на повышенных тонах общалась с приглашенной обслугой, с содроганием оглядывая устроенный ими бардак, но, увидев меня, сразу подошла. На ней была блузка с белым воротничком, которую Елена всегда надевала, когда мать закатывала вечеринки. Волосы были стянуты в тугой узел. Нагнувшись, чтобы обнять ее, я постарался не помнить каскад мелких оборок вдоль застежки.

— Будешь веселиться? — спросила Елена по-испански.

— Нет.

Она поправила мне воротник.

— Тебе нужно больше думать о себе.

— Для этого есть ты, — ответил я.

— Ах, m'ijo*, перестань, — проворчала она.

Конечно, при родителях Елена никогда не называла меня сынком, и при них мы не говорили по-испански. Я упражнялся в испанском, когда мы оставались в доме одни, и теперь, после проведенного с Еленой времени, изъясняюсь по-испански почти бегло.

Она поцеловала кончики пальцев и коснулась или моего лица. Глаза ее превратились в щелочки — яблочки щек приподнялись в улыбке.

— Пожалуйста, будь благоразумным.

— Посмотри на меня, — сказал я, указывая на пиджак и галстук, которые выбрала мать. — Я готов играть свою роль. — Елена смотрела, как обслуга возится со встроенными одна под другой духовками. Я тронул ее за руку: — Нельзя ли все же переждать в твоей квартире? Нашего отсутствия даже не заметят. Видишь, сколько народу она наняла? Мы ей не нужны.

Елена пристально посмотрела на меня.

— Что с тобой? Что у тебя с глазами?

— Ничего.

Глаза у меня, конечно, покраснели, но Елена, как обычно, лишь покачала головой и больше не спрашивала. Она обняла меня, потом отступила и коснулась ладонями моих щек.

— Пожалуйста, помоги сегодня своей матери. Сделай это для нее. — Она поцеловала меня и снова крепко обняла, как часто делала.

* Сынок (исп.). — Здесь и далее примеч. пер.

Я и дольше простоял бы в ее объятиях, но тут официант смахнул со стола тарелку. Она разбилась, осколки разлетелись по кухонному полу. Елена резко обернулась.

— Ай, диос мио. — Она обожгла официанта гневным взглядом. — Ну конечно, чужое добро... — И прошла в чулан за щеткой.

С чувством долга, повисшим камнем на моей шее, я отправился искать мать. Ее голос доносился из гостиной.

— Совиньона нет! — бранилась она с призраком, видимым ей одной. Покрой темно-красного вечернего платья открывал почти всю ее спину. — Шардоне и совиньон! И совиньон! Я говорила Елене — и, и, и! У нас не ужин в пользу бедных, мы отмечаем Рождество! Выбор меню — показатель элегантности! — У матери был талант прицепиться к спущенной петле и приравнять бесценный ковер к массе перепутанных ниток. Вина в доме больше, чем гости способны выпить, даже если очень постараются; хватит и официантам, которые, как всегда на вечеринках, не дадут пропасть открытым бутылкам и под утро нетвердой походкой расползутся по своим фургонам.

— Она заказала, — возразил я. — Я видел, как бармен ставил вино в холодильник.

— Что ты там жмешься за мебелью? — спросила мать. — Ты же вроде собирался мне помогать!

— Кто жметесь? Я здесь. И вовсе не обязательно вечно ее обвинять.

— А-а, ты у нас адвокат, как обычно! Святая Елена!

Мать размеренно задышала через нос, считая про себя. Этому так называемому черепашьему ды-

ханию ее обучали на йоге, тай-чи, пилатесе, растяжке-вытяжке души, или что там у нее на повестке дня.

— Ладно, — сказала она новым, мажорным тоном. — Давай-ка улыбнись, все-таки у нас праздник. Ты будешь встречать гостей.

— Я и так улыбаюсь.

— Расслабься. — Мать уперла руку в бок. — Держись развязнее, как отец, не будь буквой. У нас сегодня будут только друзья, Эйден.

Не помню, чтобы на прошлое Рождество Донован-старший ослабил, как политик.

— Я не он, — произнес я.

— Не он, — негромко согласилась мать, — но ты притворись. — Взглянув через окно на двор, она вздохнула: — Пожалуйста.

Мне очень хотелось притвориться. Ради нее.

На подоконниках и журнальных столиках трепетали огоньки свечей, а в очаге, потрескивая и рассыпая искры, горели толстые поленья. В свете живого огня светлая мебель и стены цвета слоновой кости приобрели оранжевый оттенок. Когда мать снова повернулась ко мне, я дал ей то, чего она хотела.

— С Рождеством, — сказал я.

— Ну вот! Так-то лучше. Вот что все хотят видеть.

— Да будет праздник.

Мать торжествующе улыбнулась.

В дверь позвонили. Мать пригладила платье на талии и часто заморгала. Пора. Один из приглашенных официантов поправил галстук-бабочку и открыл входную дверь. Я спохватился, что стою с

руками в карманах — надо бы их вынуть, — но это оказалась всего лишь Синди, одна из близких маминых подруг. Мать выплыла в фойе, как на сцену — словно и не было этих двадцати лет. Они сразу направились к бару, и Синди, едва получив бокал, высоко подняла руку.

— За новую великолепную вечеринку Гвен! — произнесла она. — И пусть Джек со своей бельгийской шлюхой катятся к чертям!

Они выросли в одном городе, но познакомились, только воцарившись в коннектикутском высшем обществе. Синди была еще миниатюрнее матери, зато с широченной, от уха до уха, улыбкой. Я иногда встречал ее семью в церкви Драгоценнейшей Крови Христовой, а ее сын Джеймс учился в нашей частной школе, гордо именовавшейся Коннектикутской академией, на два класса младше меня. Единственный способ вести счет маминим подругам — приписать их к разным социальным кружкам. Когда кружков накапливалось достаточно, я начинал помнить лица и какие-то факты биографии, вроде статистики на обороте карточек бейсболистов. Вместо очков или пропущенных ранов здесь значились категории «личное имущество», «благотворительная деятельность» и «число посещений вечеринок Донован», что в случае Синди равнялось ста процентам.

На крыльце снова позвонили. Я открыл, поздоровался — и понеслось: я едва успевал приветствовать хлынувших в двери гостей. Я часто моргал, ощущая, как глаза лезут из орбит, словно яйца в глазунье. Вошедшие сверкали неоновыми улыбками и все прибывали.

— Здравствуйте, — говорил я очередному гостю. — Здравствуйте.

Растянув в улыбке губы до отказа, я подсказывал, куда пройти, постепенно отключаясь и уходя в тоскливую пустоту, где на меня наваливались мысли о «Франкенштейне» в мягкой обложке, оставшемся на кресле в кабинете. Я представлял, как это существо пробуждается и смотрит со стола злобным взглядом.

Гости все прибывали. Пробираясь в толпе, я то и дело кого-нибудь задевал. Люди поспешно, чтобы не пролить, глотали свои коктейли и наклонялись ко мне, разговаривая самым мажорным тоном.

— Оценки прекрасные! — кричал я, перекрывая шум: — Йель, только Йель!

Вживаясь в роль, я почти освоил странный акцент, который порой прорезается у американцев: как бы британский, но с несомненной примесью верхне-истсайдского. Я переходил из комнаты в комнату, соображая, как бы незаметно смыться — по дому волнами перекачивался натужный, агрессивный смех.

Я хотел незаметно пробраться мимо группы гостей у пианино, подняться в кабинет и хоть немного посидеть спокойно, но меня перехватил бывший коллега Донована-старшего, Майк Ковольски. Переваливаясь, он поспешил через фойе, балансируя брюхом. Его сын Марк шел сзади. Если бы не фамильный, кувалдой, папашин подбородок, трудно было бы поверить, что Марк — его родной сын. В академии он держался с невозмутимой, уверенной отстраненностью, которую я